РЮРИКЪ ИВНЕВЪ.

САМОСОЖЖЕНІЕ.

Изд. „Очарованный Странникъ“.

Поэту Сергею Боброву с искренним приветом

Душевно преданный Рюрик Ивнев

19 Дек 15 г Петербург

РЮРИКЪ ИВНЕВЪ

Ты носишь имя, будто живъ,
но ты мертвъ.

Апокалипсисъ. III, 1.

САМОСОЖЖЕНІЕ.

(ОТКРОВЕНІЯ)

кн. I листъ 3.

Изд. „Очарованный Странникъ“.

ТИП. А. ЛАВРОВЪ и К°, ПЕТРОГРАДЪ, УЛ. ГОГОЛЯ, 8.

1.

Въ каждомъ движенiи гадкая злость,
Крѣпкая, какъ слоновая кость.

Ангелы съ неба,—желанные гости,
Не вытравятъ нехорошей злости.

Имя Его страшно произнести,
Вѣчно съ открытою болью брести.

Нести свои мерзости въ душѣ больной,
Задыхаясь чужою весной.

Можетъ быть станетъ легче отъ пестроты,
Бумаги, цифръ и насмѣшекъ простыхъ?

1914.

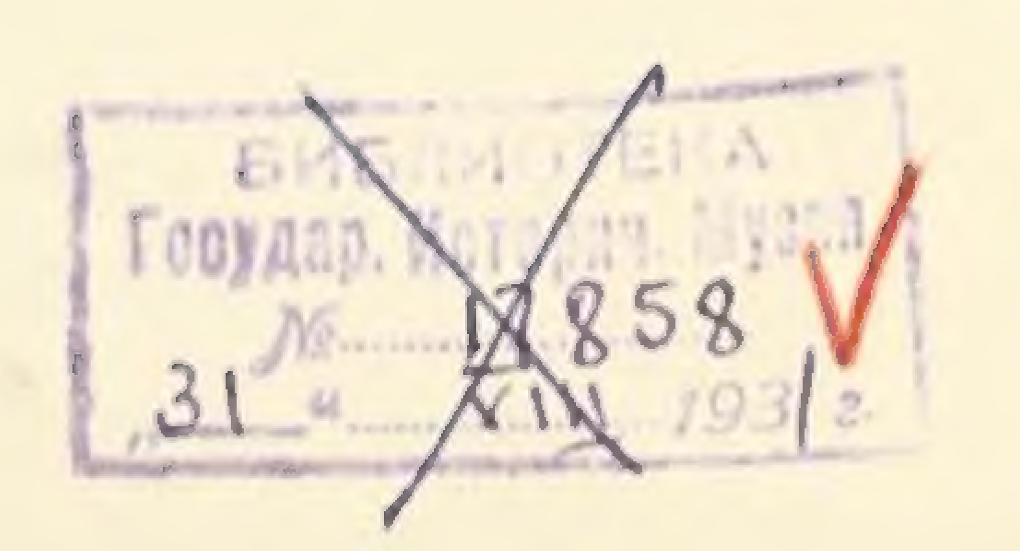
2.

Горькая радость въ оскорбленiи,
Въ ударѣ, въ визгѣ, въ плачѣ кнута,
Въ мучительномъ пренебреженiи.
(Объ этомъ молчатъ уста).

Такъ сладостно одно движенье,
Движенье глазъ кричащихъ и рта:
Въ немъ сладость, и нѣжность, и пѣнье,
И отвратительная глиста.

Закрыть рукою глаза и уши,
И улыбнуться на липкiй крикъ.
Въ улыбкѣ этой—всѣ наши души,
Въ улыбкѣ этой—сладчайшiй ликъ.

1914, февраль.

3,

Въ каждомъ зрачкѣ, мелькнувшемъ даже
Въ злобномъ и горькомъ краю,
Ищу дешевой и вѣрной продажи
И всю душу, зарытую въ сажѣ,
Каждому встрѣчному отдаю,

Сознавая, что взгляды и встрѣчи
И взмахи прекрасныхъ рѣсницъ
Полоумной души не излѣчатъ,—
Только глубже и горше калѣчатъ
Душу—старенькую дѣвицу.

1914.

4.

Господи! Тысячу разъ
Имя твое повторяю
Тихимъ движеніемъ глазъ
И человѣческимъ лаемъ.

Господи! Имя Твое
Тысячу разъ повторяю;
Пусть въ душѣ сжигаемой
Имя Твое поетъ.

Господи! Прости,
Что я Тебя тревожу,
Какъ разбойникамъ Ты простилъ,
Боже!

1914.

5.

Я знаю. Въ рваномъ тулупѣ
Деревнями буду брести.
Всѣ будутъ считать меня глупымъ,
Сбившимся съ пути.

Знаю я также, что мука,
И горечь, и радость—одно.
Старичекъ близорукій
Скажетъ:—здравствуй, братъ родной.—

Можетъ быть въ ту минуту,
Когда отвернется родня,
Неразумное сердце кляня,
Шалью своею кутая,
Заря поцѣлуетъ меня.

Финляндія. Дорога. 1914.

6.

О, если прежде надежда сіяла,
Какъ послѣ дождика купола,
Что злоба увянетъ, что злоба увяла,—
Теперь она вновь обожгла
Душу смертельнымъ жаломъ.

И спугнула прекрасныя думы,
И затмила сознанье мое.
Я со страхомъ слушаю шумъ
Страшный, какъ лезвіе
Бритвы угрюмой.

Тифлисъ. 1914.

7.

Я танцую на острой бритвѣ,
Я пою изрѣзаннымъ ртомъ,
И заброшенъ мой молитвенникъ,
Надо мною не плачетъ никто.

Только смотрятъ изъ ложи бархатной,
Да изъ креселъ на танецъ мой,
А я вспомнилъ, что въ дѣтствѣ моя парта
Пахла чернилами и смолой.

Стало стыдно за танецъ жесткій,
За румяна впалыхъ щекъ,
За любимый запахъ известки,
За всѣхъ, кто грубъ и жестокъ.

Я танцую на острой бритвѣ
И кричу сквозь дымъ и туманъ:
Отдайте мнѣ мой молитвенникъ,
Мой сладкій обманъ.

1914.

8.

Весеннія лужи и Божіе небо
Знаютъ, что я кривлю душой,
Въ ней боль и горькія дебри
И душно отъ мыслей нехорошихъ.

Чужую улыбку и сожалѣнье
Положу, какъ воръ, въ свой карманъ,
Буду продолжать жизнеобращенье—
Горькій и злой обманъ.

1913, весна.

9 *).

Точно изъ развратнаго дома вырвавшаяся служитель-
ница,
Душа забѣгала по переулкамъ (безъ эпитета)
Ноги,—какъ папиросы, ищущія пепельницу.
Ахъ, объ этихъ признаніяхъ другимъ не говорите.

Правда, часто глазамъ, покраснѣвшимъ отъ нечести
Какія-то далекія селенія бредятся,
И даже иногда плавающая въ вѣчности,
Обстрѣливаемая поэтами Медвѣдица.

И тогда становится стыдно отъ мелочей,
Непринимаемыхъ обыкновенно во вниманіе.
Бейте, бейте желѣзомъ, за дѣло! Чей
Ударъ сильнѣй—тому поклонъ, покаяніе.

1913.

10.

Кусочки неба, маленькіе кусочки,
Они, какъ кофейныя чашечки, а вокругъ—
Маленькія раздробленныя ножки,
Безсонница, кашель, испугъ.

О, дѣточка съ солнечнымъ яблокомъ,
Съ мячикомъ полосатымъ,
Подойди, полюби; подари мнѣ корабликъ
Синенькій въ праздникъ двунадесятый.

1914, декабрь.

---

*) Руконогъ. Москва. Первый турбогодъ.

11.

Точно прихрамывающая собачка по испорченному
асфальту
Душа подпрыгиваетъ за убѣгающимъ счастьемъ.
Не поможетъ ей ни небо благородной Мальты,
Ни тонкое новомодное платье.

О, самое жестокое знать всю ничтожность
Души, исполосованной трусливой ложью.
Какая каторжная невозможность
Увидѣть слезу—ласточку Божью!

Если раньше была случайная, свѣтлая точечка,
Заблудившаяся въ организмѣ изворотливомъ—
Она все таетъ, какъ свѣтлое облачко
Въ тишинѣ, среди голубыхъ высотъ.

И скоро одно только останется:
Смотрѣть въ глаза крѣпкоглазыхъ дѣтенышей,
Вспоминая позднее раскаянie
И что-то подобное чистотѣ.

Нилова Пустынь. 1914.

12.

Ноготь, оторванный движеньемъ случайнымъ,
Образуетъ кровоизлiянie (наводненie),
И оно страшнѣе наводненiя въ Гавани,
Страшнѣе далекаго землетрясенiя.

Какъ больно признаться на площадѣ, окружающимъ
Въ горькихъ причинахъ и горькомъ слѣдствiи,
А въ душѣ, безпричинно вздрагивающей,
Столько ненужныхъ и горькихъ наслѣдствъ.

1914.

13.

Снѣгу ликующему, лѣсу, небу, дредноутамъ,
Горящимъ на солнцѣ (о, какая бѣлизна!)
Завидуетъ сердце, исполосованное гнетомъ
Болѣзни тягучей, какъ илъ со дна.

И при каждомъ блескѣ, при каждомъ вздраги-
ваніи
Крѣпко сколоченныхъ чухонскихъ саней
Я—непрочностью и цвѣтомъ напоминаю бумагу,
И съ каждымъ толчкомъ становлюсь блѣднѣй.

О, солнце, деготь, желѣзо, смола и запахъ
Моря замерзшаго—капните на меня
Каплей исцѣляющей и, капая,
Сдѣлайте такъ, чтобъ мучительная западня
Сгорѣла отъ воздуха и огня.

Гельсингфорсъ, море. 1914

14.

Сюсюкая, пришептывая, сантиментальничая
Подъ видомъ сострадательнаго добряка,
Стою надъ трупомъ собаки раздавленной
Съ лицомъ заплаканнымъ,—съ душою, какъ сталь.
Съ душой Аракчеева и крѣпостника,
Изможденный, полоумный, неправильно поставленный.

Ничего не поможетъ: ни небо голубѣющее,
Ни воздухъ, въ которомъ морозъ и сосна,
Ни отъ вѣтра соленаго темнѣющая,
Набѣгающая волна.

Если бъ Имя Твое разсудкомъ мутнѣющимъ
Воспріять—смерть была бы ясна.

о. Стураміеле. Финскій заливъ.
1914, февраль.

15 *).

Съ каждымъ часомъ всё ниже и ниже
Опускаюсь, падаю я.
Вотъ стою я, какъ клоунъ рыжій,
Изнемогающій отъ битья:

Заберу я платочекъ рваный,
Заверну въ него сухари,
И пойду пробивать туманы
И бродить до зари.

Подойдетъ старичекъ бѣлый,
Припаду къ мозольной рукѣ,
Буду маяться день цѣлый,
Томиться въ тоскѣ.

Онъ скажетъ: есть способъ,
Я избавлю отъ тяжкихъ путъ,
Вотъ досталъ бы мнѣ папиросу:
Безъ нея горько во рту.

Папиросу ему достану,
Онъ затянется, станетъ курить,
Словами лечить мою рану,
Душу мою лечить.

Но теперь печальна дорога
И тяжелъ мой удѣлъ,
Я не смѣю тревожить Бога:
У Него много дѣлъ.

1912.

---

*) Вернисcажъ. Кн-во „Мезонинъ Поэзіи", сентябрь 1913. Москва.

16 *).

Я запою голосомъ развинченнымъ
И сдѣлаю соотвѣтствующій жестъ,
А если посмотрѣть подъ стекломъ увеличитель-
нымъ,
Вы поймете, что я, какъ арестантъ,

Что я съ душою, душою развинченной,
Что я съ тоскою увеличенной
Ищу подходящихъ невѣстъ.

Вотъ вы улыбнулись презрительно,
Но улыбка ваша, какъ стонъ;
Пусть сваха захохочетъ язвительно,
Поймите же меня со всѣхъ сторонъ.

1912.

17.

Господи! За упоминанье
Имени Твоего
Не осуди мою душу.
Каждый часъ—(я вѣдь только странникъ!)
Слышу горькое торжество
И вижу, какъ храмъ Твой рушится.
Каждый часъ—уколъ и ударъ,
Вздрагиваетъ ничтожное сердце.
Я вижу будущее: мерзокъ и старъ,
Размѣнивая на гадости Божій даръ,
Буду у чужого костра
Тѣломъ, покрытымъ пупырышками, грѣться.

1913.

*) IX альманахъ эго-футуристовъ, изд. „Петербургскій Глашатай". 1913.

18.

Душу измученную и перепачканную,
Отвратительную, но родную мою,
Господь, укрѣпи своею подачкою.
Видишь: я на краю.

Можетъ быть завтра забуду о раскаяніи,
Паясничая, какъ клоунъ изъ послѣдняго кабака.
Все возмутительнѣй и необычайнѣе
Моя крестящаяся рука.

Новгородъ. 1914.

19.

Это не рисовка, это настоящая простота,
Это потому, что я мучительно хочу исправиться,
Я кричу движеніями пугливаго рта,
Что я негодяй и отъявленный мерзавецъ.

Въ каждомъ движеніи—отвратительная ложь,
Скрытые и явные недостатки.
Я самъ не знаю еще, на что похоже
Сознаніе въ своей гадкости.

Ужъ лучше быть черствымъ до конца,
Безъ совѣсти, безъ сантиментальности, на большой
дорогѣ
Съ холодной и безчувственной улыбкой наглеца
Грабить, не испытывая угрызеній совѣсти и тревоги.

1914, іюнь.

20.

Мнѣ стыдно смотрѣть на воду и сушу,
Мнѣ горько смотрѣть на цвѣты, на лѣсъ.
Прячу грязную, рыхлую душу
Отъ безукоризненно синихъ небесъ.

Больно сжимаются глаза отъ свѣта,
Теплѣе, когда вокругъ горечь и грязь.
Такъ мутительно хочется пройтись раздѣтымъ,
Плача, ударяя себя и крестясь.

Если будетъ лучше отъ злобнаго смѣха,
Если стану чище отъ удара кнута—
Сильнѣе надъ сердцемъ, надъ грязной прорѣхой
Издѣвайтесь, смѣйтесь до пѣны у рта.

А я дорогой пустынной, непролазной
Буду, шатаясь, плестись такъ себѣ, въ никуда,
И забуду, что я мерзкій, колючій и взрослый;
И что за моей спиной—отвратительные года.

1913.

21.

Послѣ ночи, проведенной съ сутенерами,
Проститутками и сыщиками,
Буду голубѣющими взорами
Всматриваться въ свою душу нищую,

И мысленно раскладывать на кубики
Свои чувствованія (огорченія):
Больше грязныхъ, чѣмъ голубенькихъ,
Больше мерзости, чѣмъ мученія.

Все прекрасное—въ мертвомъ мизинчикѣ,
На трактирной зарѣ голубѣющемъ.
Сколько боли въ отвратительно взвинченномъ
Сердцѣ, изолгавшемся и грубѣющемъ.

Радіолеченіе по новѣйшей системѣ
Не изгонитъ ниточекъ разложенія изъ тѣлесной ткани.
И лежу внѣ думъ, внѣ движенья, внѣ времени,
Жестокими своими мыслями израненъ.

1913.

22.

Только въ глухомъ и томительномъ одиночествѣ,
Безъ дробленій времени на полосы ночи и дня,
Забывъ все рѣшительно: имя, званіе, отчество,
Предсказанья хиромантокъ и злыя пророчества—
Можно душу свою понять!

Пусть не будетъ фейерверковъ городского остроумія,
Саркастическихъ улыбокъ и ядовитыхъ книгъ.
О, какъ сладко заснуть въ облакахъ безшумныхъ,
Не видя котелковъ, галошъ и отвратительныхъ мумій
Растлѣвающихъ, огаживающихъ каждый мигъ.

О, время безъ раздѣленій на глупѣйшіе таксометры,
На нелѣпые, ничѣмъ не оправданные, часы,
Вотъ бы подъ медленное теченіе пахучаго вѣтра
Прогуливаться безъ вязанаго кашнэ и гетръ
Въ нѣжныхъ капелькахъ Божьей росы...

1914.

23.

Ты чувствуешь боль земную,
Цѣлуя руку врага.
Ты чувствуешь боль земную
Въ вискахъ, въ мозгу, въ ногахъ,
Отъ пламеннаго поцѣлуя.

Пусть боль эта будетъ сильна,
Пусть сердце твое цѣпенѣетъ.
Пусть боль эта будетъ сильна,
Но помни—яснѣе, сильнѣе
Простившей души глубина.

1913.

24.

Господи! Господи! Господи! Темный сводъ небесъ.
Монастырская душная келья.
Мнѣ въ холодное, мертвое сердце
Полоумный и сладкій бѣсъ
Льетъ преступное, сладкое зелье.
Неужели бритвой зарѣзаться?

Господи! Господи! Господи! Гордый, злой, пустой
Духъ пляшетъ въ уродливомъ тѣлѣ,
И выпячиваетъ свои губы.
Одинокій и холостой,
Я въ своей холостой постелѣ
Буду мертвымъ, колючимъ, грубымъ.

Нилова Пустынь. 1914, весна.

25.

Въ лиловомъ мракѣ окно. За небомъ
Какая просинь? Какая даль?
О, если могъ бы кормить васъ хлѣбомъ
И утолять вашу печаль.

Какая музыка за этой синью?
Дрожанье влаги или топотъ трубъ?
О Скандинавскія бьется твердыни
Море, молящееся поутру?

О, если бы знать... (я одно лишь знаю),
Я уже слышу—за скрипомъ телѣгъ
Безстрастныя пѣсни изъ Божьяго рая,
Язвительный вой кликушъ и калѣкъ.

О, только услышать, только отмѣтить—
И душа, какъ служанка, пойдетъ служить,
И будетъ скитаться по бѣлому свѣту
И огненный крестъ свой носить.

1914.

26.

Укрѣпи Господь, укрѣпи Господь,
Мою душу и мою плоть.
Господи, помилуй!
Господи, помилуй!

Пусть въ очахъ моихъ
Будетъ свѣтлый стихъ.
Господи, помилуй!
Господи, помилуй!

Научи какъ жить,
Плакать и любить.
Господи, помилуй!
Господи, помилуй!

Укрѣпи Господь, укрѣпи Господь,
Мою душу и мою плоть.
Господи, помилуй!
Господи, помилуй!

1914.

27 *).

Не чистымъ, не гордымъ
Иду въ монастырь,—
Согбеннымъ, затихшимъ,
Убитымъ иду.

Господь Солнцеясный,
Пойми и прости,
Ужасную душу
Въ ладоняхъ зажми.

Господь убіенный,
Воскресшій Господь,
Я твой черезъ горе,
Чрезъ ложь и порокъ.

Слезою воздушной
Своей окропи
Воздушную душу
И ѣдкую кровь.

1914.

---

*) Новый журналъ для Всѣхъ. Сентябрь. 1915.

Книги РЮРИКА ИВНЕВА

САМОСОЖЖЕНIЕ кн. 1, листъ 1. Москва. Ц. 50 к.

ПЛАМЯ ПЫШЕТЪ кн-во „Мезонинъ Поэзiи“ Москва. Ц. 35 к.

САМОСОЖЖЕНIЕ кн. 1, листъ 2, изд. „Петербургскiй Глашатай“. Петербургъ. Ц. 50 к.

КОНЬ РЫЖIЙ (стихи о войнѣ), изд. „Очарованный Странникъ“. Петроградъ. Ц. 35 к. (По независящимъ отъ издательства обстоятельствамъ книга не можетъ быть выпущена въ свѣтъ).

САМОСОЖЖЕНIЕ кн. 1, листъ 3, изд. „Очарованнаго Странника“. Петроградъ. Ц. 35 к.

Обложка работы Льва Бруни.

1916.

ПЕТРОГРАДЪ.

Цѣна 35 к.